

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЁНКА)**

А. В. Колосов
Юридический институт Иркутского государственного
университета, г. Иркутск, Россия
Иркутский государственный лингвистический университет,
г. Иркутск, Россия

**SOME PROBLEMS OF TERMINOLOGY SEMANTICS IN EUROPEAN COURT
OF HUMAN RIGHTS TEXTS TRANSLATION INTO RUSSIAN
(BASED ON COURT'S DECISIONS ON CHILDREN'S RIGHTS PROTECTION)**

A. V. Kolosov
Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk, Russia

Summary. The given article is devoted to semantic terminology adequacy in legal translation from English into Russian. Certain texts of the European Court of Human Rights and translation peculiarities are analyzed. The Russian version of the text, as it is noted, is not always authentic to the English version. European Court of Human Rights texts' translation is a very complicated assignment that requires certain knowledge in both fields – linguistics and law.

Key words: legal translation; European Court of Human Rights; protection of children's rights; semantic of terminology.

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [7]. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Россия, являясь частью мирового сообщества, признаёт и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. К их числу относятся и нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6], ратифицированной Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [10]. Названная Конвенция предусматривает учреждение действующего на постоянной основе Европейского суда по правам человека. Постановления Суда обязательны для сторон, в отношении которых они вынесены.

Решения Европейского суда по правам человека имеют большое значение для национальной правовой системы Российской Федерации. Так, по данным В. Д. Зорькина, только за девять лет работы Конституционный Суд Российской Федерации более чем в 90 своих решениях сослался на Конвенцию и решения Европейского суда, которые оцениваются им фактически как источник права [4].

При этом важны решения, касающиеся не только Российской Федерации, но и других стран – участниц Конвенции. В силу повышенного внимания со стороны нашего государства к обеспечению прав и законных интересов ребёнка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, к созданию правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребёнка особый интерес вызывают решения Европейского суда по правам человека в сфере защиты прав ребёнка.

Все постановления Европейского суда по правам человека выносятся на английском или французском языках, кроме случаев, когда Суд определяет, что постановление выносится на обоих официальных языках. Доступ к вынесенным постановлениям является открытым. Публикация этих постановлений в официальных изданиях Суда осуществляется на обоих официальных языках Суда.

Однако на сегодняшний день в России решения Европейского суда по правам человека официально на русский язык не переводятся, что является серьёзной проблемой для правоприменителя. Тексты неофициальных переводов решений Суда размещаются в справочных правовых системах «Гарант», «КонсультантПлюс», публикуются в Бюллетене Европейского суда по правам человека.

Решение суда, как особый тип юридического текста, по справедливому мнению И. Е. Ивановой, при переводе вызывает целый ряд проблем [5]. Поэтому не всегда текст перевода решения Европейского суда по правам человека на русский язык аутентичен содержанию решения на английском языке.

Например, рассмотрим дело CASE OF ISMAILOVA v. RUSSIA (Application No. 37614/02) [8]. В решении указывается, что «**the applicant** (здесь и далее термины выделены автором) complained that there had been an interference with her freedom of religion within the meaning of Article 9, and that this interference was discriminatory within the meaning of Article 9 taken in conjunction with Article 14. She also complained that there had been **a breach** of Article 8 taken alone».

Данное выражение было переведено следующим образом: «**Заявительница** утверждала, что имело место вмешательство в её свободу религии по смыслу статьи 9 Конвенции и что это вмешательство было дискриминационным по смыслу статьи 9 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 14 Конвенции. Она также утверждала, что имело место **нарушение** статьи 8 Конвенции, рассмотренной отдельно» [8].

Термин «**the applicant**» был переведён как «заявитель». Между тем, данное слово может иметь следующий перевод: 1) кандидат, кандидатура, претендент; соискатель; 2) проситель, ходатай, податель петиции [2], а также иметь значение «a person who makes a formal application for something, especially a job» [13]. В юридическом смысле лицо, обращающееся в суд, принято обозначать термином «claimant» (1) заявитель, истец; претендент [2]; 2) a person making a claim, especially in a lawsuit or for a state benefit [13]). Ещё возможно использовать термин «plaintiff» (1) a person who brings a case against another in a court of law [12]; 2) истец [2]) или «petitioner» (1) заявитель, проситель, истец [1]; 2) a petitioner is a person who brings a legal case to a court of law [11]). Но применение термина «**the applicant**» в решении Суда скорее обусловлено тем, что он широко используется в регламенте Суда.

Термин «**a breach**» переведён как «нарушение». Однако он имеет не только данное, но и много иных значений и часто под ним понимается – брешь, пролом, дыра; повреждение [2]. Для обозначения термина «нарушение» больше подходит термин «violation» (1) нарушение [2]; 2) the action of violating someone or something [12]) или «infringement» – нарушение (закона, клятвы) [2]. Подтверждением обоснованности данной позиции является другое решение Европейского суда по правам человека (CASE OF T. v. THE UNITED KINGDOM (Application No. 24724/94)) [8], где фраза «Holds by twelve votes to five that there has been no **violation** of Article 3 of the Convention...» была переведена как «постановил двенадцатью голосами против пяти, что не имело места нарушение статьи 3 Конвенции...» [8].

Также в анализируемом решении встречается предложение «**Holds** by four votes to three that there has been no violation of Article 8 of the Convention taken in conjunction with Article 14». Данное предложение было переведено следующим образом: «**Постановил** четырьмя голосами против трёх, что отсутствовало нарушение статьи 8 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 14 Конвенции». Термин «**hold**» имеет много значений и может переводиться: 1) держать, обнимать; 2) удерживать, задерживать; 3) содержать в себе, вмещать [2]. В официальных документах данный термин может означать – утверждать, устанавливать, решать [2]. Но чаще применительно к решению суда используются специальные юридические термины «enact» (предписывать, определять, устанавливать; вводить закон; постановлять [2]) или «decree» (1) постановление, решение (суда по гражданским делам); 2) вынести приговор, принять решение [2]). Есть и другие термины, более часто используемые уже в повседневном обороте при определении позиции какого-либо органа по тому или иному вопросу – decide (решать, принимать

решение, делать выбор) [2], resolve (решать, принимать решение) [2]. Поэтому Европейский суд по правам человека, на наш взгляд, термину «holds» в вынесенном решении мог придать значение, отличающееся от значения слова «постановил».

В решении Суда (CASE OF T. v. THE UNITED KINGDOM (Application No. 24724/94)), где также рассматриваются вопросы защиты прав ребёнка фраза «Holds by twelve votes to five that there has been no violation of Article 3 of the Convention **in respect** of the applicant's trial», которая переведена как «постановил двенадцатью голосами против пяти, что не имело места нарушение статьи 3 Конвенции **в ходе** судебного разбирательства по делу заявителя». Между тем, термин «**in respect**» чаще всего переводится «что касается, так как» [9]. Из текста данного предложения не следует, что суд пришёл к выводу об отсутствии нарушений именно в ходе судебного разбирательства. Судебная практика показывает, что при отражении течения какого-либо процесса во времени используется фраза «in the course of» или слово «during».

Можно привести и другие примеры неоднозначного перевода специального термина. В указанном решении Суда есть предложение «Holds by ten votes to seven that there has been no violation of Article 3 of the Convention in respect of the applicant's **sentence**», переведённое «постановил десятью голосами против семи, что не имело места нарушение статьи 3 Конвенции в ходе определения **наказания** заявителю». Термин «**a sentence**» часто используется в значении «предложение, фраза, высказывание» и несколько реже, как «приговор, осуждение, обвинительное заключение, наказание» [2]. Но у термина «наказание» в юридической практике есть специально используемые обозначения – «punishment» или «penalty».

Предложение «Holds unanimously that there has been a violation of Article 6 § 1 of the Convention in respect of the setting of the applicant's **tariff**» переведено «единогласно постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в ходе определения **срока тарифа** заявителю». Если использовать дословный перевод данного предложения, то ни о каком **сроке** тарифа в нём упоминаний нет. При необходимости указать на срок тарифа в предложении чаще используются слова «date» (дата, число, день, период, срок), «term» (срок, определённый период; длительность, продолжительность), «time» (время, промежуток времени, срок).

Предложение «that **simple interest** at an annual rate of 7.5 % shall be payable from the expiry of the above-mentioned three months until settlement» переведено следующим образом: «что **проценты** по годовой ставке 7,5 % подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трёх месяцев и до момента выплаты». Термин «**simple interest**» переведён как «**проценты**» без указания на то, какие это проценты. В решении же Суда упоминаются **простые** проценты. Суд не случайно в решении использовал термин «простые проценты», так как на практике в деловом обороте выделяются ещё и сложные проценты, которые отличаются порядком расчёта [1]. С терминологической точки зрения использование экономических терминов «percent» или «percentage» более оправдано. При переводе же слово «**simple**» было пропущено, что недопустимо при переводе официальных документов. А в решении Суда (CASE OF S.C. v. THE UNITED KINGDOM (Application No. 60958/00)) [8] в фразе «that from the expiry of the above-mentioned three months until settlement **simple interest** shall be payable...» словосочетание «**simple interest**» было переведено уже как «простые проценты». Следует подчеркнуть, что точность перевода в данном случае имеет серьёзные правовые последствия и влияет на то, какую в итоге сумму необходимо выплатить.

Таким образом, перевод решений Европейского суда по правам человека (в том числе и по вопросам защиты прав ребёнка) на русский язык является весьма сложной работой, требующей высокой квалификации от переводчика и знаний не только в сфере лингвистики, но и права. Как обоснованно отмечает Н. Д. Голев, юридический язык – это особая система, в ней обнаруживаются свои собственные значимости, формируемые оппозициями специальных понятий и детерминацией со стороны действующего законодательства [3].

Дополнительные проблемы в переводе решений Европейского суда по правам человека создаёт использование Судом в схожих ситуациях различных терминов. При этом не потерял своей актуальности и требующий законодательного решения вопрос об официальном переводе решений Европейского суда по правам человека на русский язык.

Библиографический список

1. Англо-русский словарь. URL: LingvoPro.ABYYonline.com
2. Англо-русский словарь общей лексики. URL: LingvoPro.ABYYonline.com
3. Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и её юридическое функционирование // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – Барнаул, 2004. – С. 49.
4. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 8.
5. Иванова И. В. Проблема перевода фразеологических единиц в некоторых типах юридических текстов // Вестник МГЛУ. – 2005. – Вып. 501. – С. 57.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Рос. газета. – 2009. – 21 января.
8. КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>
9. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М., 2006.
10. Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.
11. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. HarperCollins Publishers, 2008.
12. New Oxford American Dictionary. 3rd Edition. Oxford University Press, 2010.
13. Oxford Dictionary of English. 3rd Edition. Oxford University Press, 2010.

© А. В. Колосов.

УДК 48(250)

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РУССКИЕ СКАЗКИ: ПОЧЕМУ ГЕРОИЗМ НЕ ЗНАЕТ ВРЕМЕНИ?

Е. С. Долгополова

Средняя общеобразовательная школа № 3 станицы Фастовецкой
им. Героя Советского Союза К. Т. Першина,
Тихорецкий район, Краснодарский край, Россия

CREATIVE PROJECT RUSSIAN FAIRY TALES: WHY HEROISM DOES NOT KNOW THE TIME?

E. S. Dolgopolova

Secondary school № 3 of the stanitsa Fastovezkaj
the name of Hero of the Soviet Union K. T. Pershin,
Tikhoretsky area, Krasnodar region, Russia

Summary. The article focuses on an important issue today – the theme of defending the Homeland. Focuses on the folklore – tales of his homeland. The article focuses on the developed training mono-proekte for literature, reveals the stages of work on it. In conclusion, the article is an example of the Kuban tale of his own.

Keywords: the hero of the time of ancient Russia; traditions of the Cossacks; the image of the hero-protector; the heroes of Russian fairy tales.

Авторский проект «Русские сказки» как средство литературного образования и духовно-нравственного воспитания школьников сформировался на уроках литературы в средней школе. В работе над проектом ученик не получает готовых знаний, он их добывает сам. Я направляю внимание учащихся на задания, через логическую структуру проекта руковожу самостоятельной познавательной деятельностью учеников. Дети выбирают темп, средства, методы выполнения задания, чередуя индивидуальную и групповую работу. На уроке-проекте важны атмосфера доверия, сотрудничества учащихся и учителя, работа с художественным